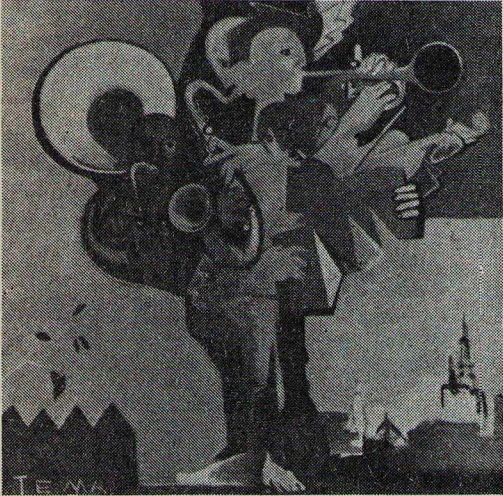
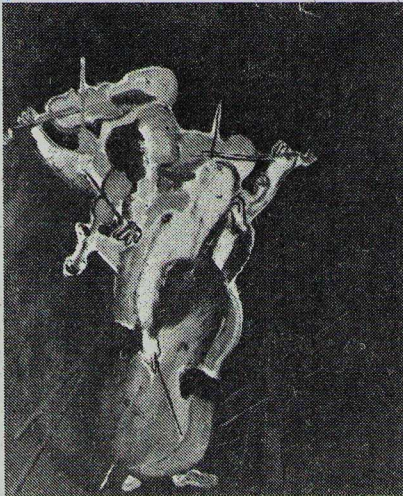
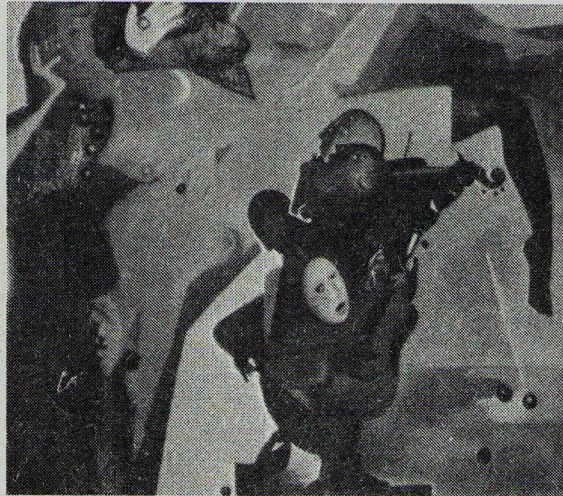
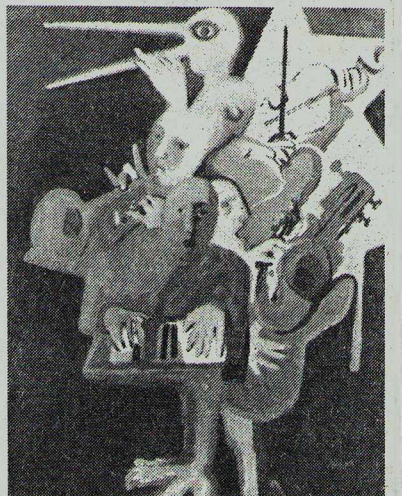

Музыкальное обозрение. — 1992. — янв. (№2). — с. 8.

Человек-оркестр № 60. Тема.
Х., М. 200x200Человек-оркестр № 3. Скрипичный концерт.
Х., М. 55x46Человек-оркестр № 70. Рассыпавшиеся бусы.
Х., М. 200x200Человек-оркестр № 31. Поющая птица.
Х., М. 130x10

Александр Токарев ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР МОНОЛОГ ХУДОЖНИКА

Александр Токарев родился в Одессе в 1946 году. В 1966 окончил Одесское художественное училище, в 1972 — ВГИК (художественный факультет). Член СХ СССР с 1974 года. Участвует в выставках с 1966 года. В 1974 состоялась первая персональная выставка в Москве. Произведения Токарева находятся в музеях страны, в частных коллекциях Франции, Америки, Франции, Японии. Токарев работает в жанрах станковой живописи (пейзаж, натюрморт, портрет). Писал сценарии, работал художником в кино. Сейчас в Париже проходит уже вторая персональная выставка Александра Токарева.

“Вырос я в семье художников и потому профессия живописца не была для меня чем то новым. Я хотел быть музыкантом, поэтом, актером, режиссером, сценаристом.

По отношению к музыке у меня есть некий комплекс. В 6 лет проверили слух, сказали, что его нет и музыке учить не стали. Сейчас я жалею, что не могу читать ноты. Но это не мешает мне любить музыку. Родители часто водили меня в Одесскую филармонию, в оперу. Потом был джазовый бум — необычный, далекий мир, где хрипел Армстронг, пела Элла Фитцджеральд. Есть непроходимая любовь к Шопену. Музыка часто стимул к работе, повод, я работаю, слушая ее”.

“Когда человек становится художником, перед ним встает очень важная проблема — выбор своей темы, которая была бы удобна и давала ощущение состояния, что ты в ладу с самим собой. Во времена “славного застоя” перед художником существовала дилемма: идти ли вместе со всеми, стройными колоннами и жить сладко, или же стать нонконформистом. Это меня не устраивало. Чтобы остаться честным человеком, быть вне полити-

ки, над временем, где есть чистое искусство, надо было найти третий путь. Это путь отвлеченной темы, и одна из таких тем — Музыка”.

“Думаю, что не зная музыки Древней Греции, можно представить, услышать ее, глядя на живопись античных амфор и ваз. То же самое, наверно, в эпохе романтизма — композиторы, художники, поэты — все они сосуды одной кровеносной системы, одной духовной и эстетической атмосферы”.

“Когда плывешь по реке, надо выбрать свой фарватер. Не надо махать руками, надо просто смотреть по сторонам. И я смотрю по сторонам и внутрь себя и пытаюсь что-то услышать, услышать те звуки, которые вокруг меня и во мне. Когда они совпадают, тогда и случается что-то на холсте”.

“Одна из первых моих картин — “Прощальный оркестр”. Это попытка решения исторической темы. Маленький оркестрик (барabanчик, скрипач и трубач) как бы провожают кого-то на

фронт. Они провожают всех, уходящих в дальней исторический путь. Потом были другие темы. Но это всегда, поиски ритма, колористического, пластического, тонального, поиски мелодий. И в разное время они были разные. В 70-е годы хотелось разговаривать очень тихо. И я делал камерные работы. Было стремление и потребность параллельно создавать вещи крупной формы, индентичные симфонии, опере. Они требовали другого языка, другой активности звука. И я написал самый большой холст в моей жизни — 2x4 метра — “Большой оркестр”. Я попытался (как это ни парадоксально звучит) написать симфонию. Большую симфонию. Симфонию жизни и смерти. Симфонию Космоса. Попытался это сделать через музыкантов большого оркестра, где есть трагедия, Музы, все, что в жизни. Мне хотелось создать нечто близкое к иконе “Страшный суд”. К русской трактовке иконы — “Апокалипсис”. Русская икона, кстати, очень музыкальна, возвышенна, в ней всегда, как ни странно, праздник”.

“Раньше я с иронией, скеп-

тически относился к людям, которые пишут серии, циклы, не предполагая, что сам приду к этому. Сначала появилась тема “Человек-оркестр”. Она была отвлеченная, многообразная. Однажды я собирался на день рождения, думал о подарке и захотел написать букет, букетик... (Ведь каждый из нас — это букетик. В нем разные цветы, сохотаясь, превращаются в нечто целое). А потом пришло в голову, что букетик — это оркестрик, и цветы превратились в музыкантов. Мысль, может быть наивная, но для пластики емкая. Я попробовал это реализовать, и сам процесс, и формулировка самой идеи мне понравились. Сделал несколько разных вариантов, и чем дальше, тем тема казалась все более интересной и бесконечной, как музыка вообще. Первые “человечки-оркестры” были как музыкальные этюды. Некоторые могли изображать джазовых музыкантов — трио, квартеты. Иногда форма диктовалась цветом.

Персонажи — головы музыкантов несколько нелепые, лысые, без ушей — это не лица, а лики, знаки. Знаки музицирующих людей. В иконе лицо никогда не лицо. Это — знак Бога.

В инструментах тоже я никогда не старался выписывать все детали. Изображение инструмента в этом контексте — скорее знак звука этого инструмента. Например, если нужны струны для ритма, можно их изобразить в десять тысяч раз больше и толще, чем они есть на самом деле, или наоборот.

“Человек-оркестр” — это натюрморт из знаков людей и знаков инструментов.

Если говорить языком музыкальным, это было освоение сонатной формы. И можно было, привнося различные элементы, искать и экспериментировать. Можно все происходящее в мире преломлять через эту форму.

Когда-то в Нью-Йорке в Бруклин-музее я увидел мексиканскую деревянную скульптуру птицы. Она мне очень понравилась, и я подумал, что “человек-оркестр” — это птица. Она может летать, но может и петь. Так получился “Человек-оркестр. По-

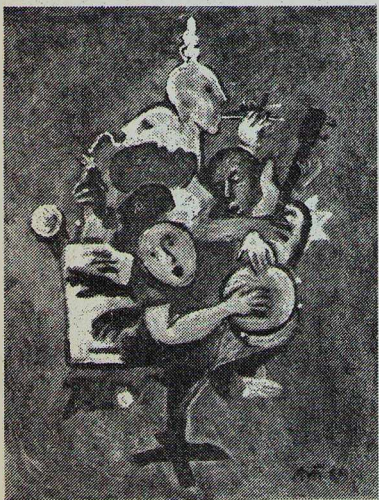
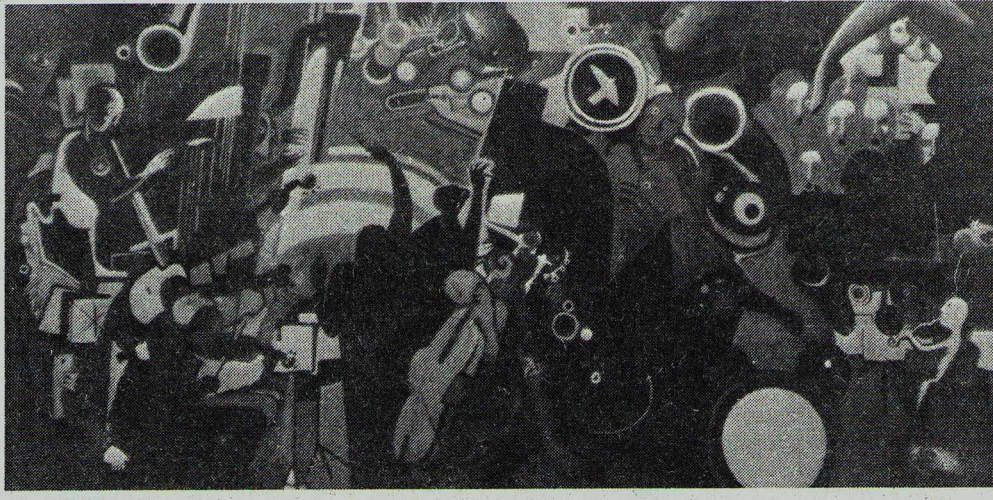
ющая птица”.

“В Нью-Йорке на Медисон-авеню я несколько раз встречал на одном и том же месте одинокого трубача-негра. Он всегда стоял один и играл хорошую музыку. Звук его серебряной трубы так занятно плыл среди небоскребов, ударяясь как бы о стекляшки сталактитов, и потом уносился куда-то высь, оставляя на этой земле все и всех. Можно было написать одинокого музыканта среди небоскребов, но у меня получился “маленький оркестрик”, который называется — “Человек-оркестр в Нью-Йорке”. Мне потом рассказали, что у этого трубача идеосинкретизм на работу в оркестре или ансамбле. Он никого не переносит. Он — одиночка в этой жизни. И его это устраивает. Но я думаю, что он не один, потому что в нем звучит его оркестр”.

“Идея “Человек-оркестр” придумал не я. Всегда были и есть музыканты, играющие на нескольких инструментах. То, что придумал я — это нечто другое. Мой “Человек-оркестр” — это оркестр, который звучит в каждом из нас. Это оркестр различных наших состояний, наших противоречий, которые сливаются вместе и раздрают нас, объединяют нашу душу и борются в ней, превращая нас в “человеков”.

Я понял, что вся серия “Человек-оркестр” (уже около двухсот холстов, есть и рисунки) в итоге — автопортрет. Наверное, автопортрет — это исследование самого себя. Не собственной внешности и собственной психологии, а исследование собственных эмоций, исследование звучания собственной души. Современное искусство отступило от внешних посылов и перешло к честному внутреннему разбирательству. И мои музыканты — это не просто человечки, где-то, может быть, и похожие на меня, это мир моих размышлений о совершенно разных вещах. Я использую средства пластики и пытаюсь, чтобы звучали и мои работы как музыка. Не знаю, услышит ли ее зритель”.

Монолог записала
Жанна Брагинская

Человек-оркестр № 61.
Х., М. 35x27Большой оркестр № 130.
Х., М. 200x400Человек-оркестр № 1. Блюз.
Орг., М. 80x60